

К.А. Серёгина
К.А. Seregina

**ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ЕЕ ФУНКЦИИ В ЦИКЛЕ
 ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ И.А. БУНИНА «ТЕНЬ ПТИЦЫ»¹**

**PHYTONYMIC LEXICON AND ITS FUNCTIONS IN THE CYCLE
 OF TRAVEL ESSAYS BY I.A. BUNIN "THE BIRD'S SHADOW"**

Статья посвящена проблеме языка и стиля Бунина-художника. В ней проводится лингвопоэтический анализ фитонимической лексики в цикле очерков И.А. Бунина «Тень птицы». Методом сплошной выборки из анализируемого цикла было извлечено 77 фитонимов, составивших авторскую картотеку примеров. При сборе языкового материала применялся широкий подход к определению фитонима, что позволило включить в состав картотеки примеров собственные наименования растений, номинации родов и видов растений, их частей, растительных сообществ. Собранные лексемы были классифицированы на 12 лексико-семантических групп: «Хвойные деревья», «Лиственные плодовые деревья», «Лиственные неплодовые деревья», «Кустарники и полукустарники», «Злаки и другие зерновые культуры», «Цветковые растения», «Овощные культуры (листовые, луковичные, плодовые)», «Мифологические растения» и др. Отмечено присутствие в лексиконе писателя как общеизвестных единиц, так и индивидуально-авторских образований. Установлено, что фитонимы являются неотъемлемым элементом художественного языка путевых поэм и выполняют ряд ключевых функций. Во-первых, они создают специфическое художественное пространство, наполняя его этнографическими деталями и экзотическими флорообразами (самшит, тамариск, эвкалипт и др.). Во-вторых, такие «библейские» фитонимы, как смоковница, олива, сикомор и др., выступая зримыми свидетелями истории, становятся репрезентантами центральных философских и культурных оппозиций, транслируемых в бунинских произведениях, – «жизнь/смерть», «свое/чужое», «прошлое/настоящее» и др. В-третьих, рассматриваемые лексемы служат средством ритмической организации прозаических текстов. Делается вывод о том, что фитонимическая лексика является не вспомогательным, а одним из основных структурообразующих элементов художественного мира И.А. Бунина. Через ее призму писатель осваивает «чужое» пространство Востока, наполняя его символами и личными переживаниями.

Ключевые слова: проза И.А. Бунина, путевой очерк, фитоним, лексико-семантическая группа, функция.

¹ Статья использует материал авторского доклада, прочитанного на Международной научно-практической конференции «Бунинская Россия» в контексте современных гуманитарных исследований» (Елец, 23–24 октября 2025 года).

The article deals with the language and style of Bunin as a painter and analyses his phytonomic lexicon in his cycle of works "The bird's shadow". Unselected sampling was used to derive 77 phytonyms that make up the author's card index. While amassing the lexicon a broadside approach was used to identify the phytonom making it possible to include author's own names of plants into card index as well as plant species, their parts and plant communities. All the lexicon was classified into 12 semantic groups: coniferous trees, fruit trees, non fruit trees, shrubbery, suffrutices, gramineous plants and other cereal crops, flowering plants, vegetal plants (leafy vegetables, bulb plants, fruit plants), mythological plants. The author was noted to use common lexicon along with author-developed formations. It was established that phytonyms are integral part of artistic travel essays language and perform several key functions. Firstly, they create a specific artistic space, filling it with ethnographic details and exotic floral images (boxwood, tamarisk, eucalyptus, etc.). Secondly, such biblical phytonyms as fig tree, olive, sycamore, etc., acting as visible witnesses of history, become representatives of central philosophical and cultural oppositions transmitted in Bunin's works – "life/death", "one's own/foreign", "past/present", etc. Thirdly, these lexemes serve as a means of rhythmic organization of prose texts. It is concluded that phytonymic vocabulary is not auxiliary but one of the main structural elements of Bunin's artistic world. Through its prism, the writer explores the "alien" space of the East, filling it with symbols and personal experiences.

Key words: prose of I.A. Bunin, travel essay, phytonym, lexical-semantic group, function.

DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-13-20

Цикл очерков Ивана Алексеевича Бунина «Тень птицы» представляет собой уникальное произведение, в основу которого легли впечатления писателя от путешествий по Восточному Средиземноморью. Написанные Буниным в период с 1907 г. по 1911 г. и собранные воедино, хотя и публиковались по отдельности в разных изданиях, очерки составляют «большой травелог – один из самых важных в истории литературы Серебряного века» [14, 298]. Интерес к этой книге, на наш взгляд, возрос в последние годы в связи с обращением коллектива ученых Института мировой литературы им. М.А. Горького РАН к вопросам жанрологии, текстологии и имагологии произведения в рамках реализации научного проекта «И.А. Бунин и Палестина» [14; 6; 24; 1].

Что касается собственно лингвистических исследований рассматриваемых «путевых поэм» (в определении автора), то среди ученых, уже обращавшихся к языковому «ландшафту» сборника, можно назвать Р.И. Хашимова, О.А. Селеменеву, Е.А. Сотникову, Ло Сычэнь [20; 22; 8; 17]. Так, Р.И. Хашимов, анализируя восточные единицы в составе лексико-семантического строя бунинских прозаических текстов, указывал на использование писателем оценочных номинаций народов Востока и приводил иллюстративные примеры как раз из произведения «Тень птицы» («старые-престарые обезьяны в тюрбанах» и под.) [22, 338]. Е.А. Сотникова, рассматривая антропонимикон цикла «Тень птицы», пришла к выводу о его представленности персоналиями, отсылающими читателя либо к христианской, мусульманской, египетской, греческой культурам, либо к мировой истории: Иисус, Моисей, Магомет, Амру, Соломон, Александр, Готфрид, Гомер и др. [20, 323]. Ло Сычэнь было смоделировано лексико-семантическое поле «море» в произведениях цикла, а за одноименным концептом закреплён статус стилиобразующего [8, 67]. О.А. Селеменова описала особенности синтаксической организации пейзажных зарисовок цикла и выявила круг предложений (собственно-бытийные и предметно-бытийные номинативные, безличные с ольфакторной семантикой, бинарные сложносочиненные с соединительно-результативными отношениями и др.), регулярно используемых И.А. Буниным [17, 94].

Краткий экскурс в историю изучения языка бунинского цикла очерков «Тень птицы» позволяет заключить следующее:

- интерес лингвистов к лексике и синтаксису произведения несомненен;
- особое внимание в текстах писатель уделяет пейзажу, природной детали;
- вопрос особенностей функционирования фитонимической лексики в цикле «Тень птицы» до сих пор практически не разработан.

Поэтому *цель* нашей работы – произвести инвентаризацию фитонимической лексики в цикле путевых очерков Бунина «Тень птицы» и выявить ее функции.

Из рассматриваемого нами цикла методом сплошной выборки было извлечено 77 лексем, составивших авторскую картотеку примеров. Отметим, что при выборке материала мы опирались не на узкий подход к фитонимам, как, например, в «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской, подведившей под фитоним исключительно «собственное имя любого растения» типа *Маврический дуб* или *Дерево бедных* [13, 158], а на широкий. Согласно этому подходу, к фитонимам кроме собственно проприальной лексики причисляются номинации родов и видов растений (*груша* или *ландыш*); номинации совокупностей растений (*зеленя* или *посевы*); общие номинации растений, которые различаются своим строением, высотой и т.п. (*трава* или *кустарник*); лексемы, номинирующие только часть растения, его «орган» (*ветка* или *лепесток*). Однако из состава фитонимов мы исключаем иногда причисляемые к ним топофлоризмы типа *сад*, *поле*, *равнина*, поскольку они все же обозначают участки земли, места, заросшие или засаженные растениями. Широкий подход реализуется у многих исследователей как различных национальных фитонимических систем – русской, ингушской, марийской, сербской и др., так и индивидуально-авторских, художественных (см., например, [7; 12; 21]).

В результате систематизации собранного языкового материала установлено, что фитонимический инструментарий цикла «Тень птицы» разнообразен и включает в себя 12 лексико-семантических групп (далее – ЛСГ):

1) ЛСГ «Хвойные деревья», которая сформирована номинациями растений, чьи семена развиваются в шишках: *кипарис* (южное вечнозеленое хвойное дерево, обычно с конусообразной кроной) [16, 532], *кедр* (вечнозеленое хвойное дерево сем. сосновых) [16, 531] и др. Например: «Первые турецкие сады, первые черепичные крыши, первый минарет и первый кипарис...» [5, 192];

2) ЛСГ «Лиственные плодовые деревья», представленную номинациями растений, дающих сочные или твердые съедобные плоды: *абрикос* (южное дерево сем. розоцветных со сладкими ароматными оранжевыми или желтыми плодами с сочной мякотью и крупной косточкой) [16, 523], *гранат* (южное дерево с круглыми зернистыми темно-красными плодами) [16, 525] и др. Например: «Все они опоясаны рядами террас, на которых зеленеют старые дубы, сереют старые сливы, лежат толстые лозы ханаанского винограда» [5, 234];

3) ЛСГ «Лиственные неплодовые деревья», включающую фитонимы, референтами которых выступают деревья с листьями, на которых ярко выражено разветвленное жилкование. Эти деревья не дают культивируемых съедобных плодов: *акация* (вечнозеленое лиственное дерево или кустарник сем. бобовых) [16, 527], *тополь* (лиственное дерево сем. ивовых с высоким и прямым стволом) [16, 530] и др. Например: «Пошли сады, в них – тополя, шелковицы» [5, 261];

4) ЛСГ «Кустарники и полукустарники» с фитонимами, референтами которых вступают низкорослые древовидные растения, ветвящиеся у поверхности почвы и не имеющие главного ствола (в отличие от деревьев): *терн* (растение рода слива, колючий кустарник) [2, 627], *индиго* (кустарники с непарноперистыми листьями, цветки у них в пазушных кистях, розовые, пурпуровые или белые) [2, 229] и др. Например: «Пальмы и мимозы, сахарный тростник и рис, индиго и хлопок произрастали в долине Иордана» [5, 253];

5) ЛСГ «Злаки и другие зерновые культуры» с включенными в нее номинациями растений, возделываемых для получения зерна: *ячмень* (хлебный злак, используемый

для изготовления муки, крупы, в пивоварении, как фураж и т.п.) [3, 1535], *пшеница* (хлебный злак, из зерен которого готовится мука, идущая на выпечку белого хлеба и изготовление других мучных изделий) [3, 1050] и др. Например: «Переезжаем остров, потом рукав Нила, едем мимо зоологического парка, – и впереди открывается низменность, равнина зреющих ячменей и пшеницы: стоит время Шаму, как называли египтяне жатву» [5, 223];

6) ЛСГ «Цветковые растения», состоящую из фитонимов, номинирующих растения, отличительной особенностью которых является наличие цветка как органа размножения: *мак* (травянистое растение сем. маковых с длинным стеблем и крупными яркими, обычно красными цветками) [16, 539], *нарцисс* (травянистое растение сем. амариллисовых с желтыми или белыми душистыми цветками) [16, 540] и др. Например: «Пусть истлеют несметные кости, покроются маком могилы» [5, 235];

7) ЛСГ «Овощные культуры (листовые, луковичные, плодовые)», сформированную лексемами, которые называют сельскохозяйственные растения, выращиваемые человеком ради получения съедобных сочных продуктивных органов: *чеснок* (огородное растение сем. лилейных, овощ с дольчатыми луковичками, обладающими острым вкусом, резким запахом и целебными свойствами) [3, 1476], *укроп* (огородное растение сем. зонтичных с сильным пряным запахом, употребляемое как приправа к пище) [3, 1382] и др. Например: «О Стамбуле напоминает в первую минуту запах гниющих апельсинов и укропа, смешанный с чадом восточной кухни» [5, 228];

8) ЛСГ «Вьющиеся растения и лианы», включающую номинации травянистых или деревянистых растений, способных подниматься над землей, обвиваясь стеблем вокруг опоры: *плющ* (ползучее растение сем. орляевых, цепляющееся за опору, которую оно обвивает) [3, 846], *глициния* (крупные древесные листопадные лианы) [2, 98] и др. Например: «Густые зеленые кудри дикого плюща виснут со стен» [5, 234];

9) ЛСГ «Растительные сообщества», представленную фитонимами, которые номинируют некую совокупность видов растений на однородном участке: *зеленя* (молодые всходы хлебов) [3, 362], *посевы* (посеянные растения) [3, 931] и др. Например: «Даже тощие посевы зреют кое-где на глинистой почве между ними» [5, 248];

10) ЛСГ «Общие наименования растений», которая включает номинации различных жизненных форм типа *деревце* (маленькое дерево) [16, 522], *кустарник* (многолетнее растение с древовидными ветвями, идущими от поверхности почвы) [16, 522] и др. Например: «Некогда это был славный порт и город Ирода; теперь только пески, камни и колючий кустарник...» [5, 244];

11) ЛСГ «Партитивные фитонимы», сформированную лексемами, обозначающими части растений, в том числе их плоды и семена: *вайя* (пальмовая ветвь, крупный, сильно расчлененный, похожий на ветку, лист папоротника) [2, 86], *лепесток* (отдельный листок из венчика цветка) [3, 493], *кофейные зерна* (семена тропического дерева, из семян которого готовится тонизирующий напиток) [3, 464] и др. Например: «До земли висели ветви мимоз» [5, 226];

12) ЛСГ «Мифологические растения», включающую единицы типа *райское дерево*, *жезл Аарона*, связанные с мифологическими или религиозно-философскими сюжетами. Например, номинация *жезл Аарона* вводится писателем в очерке «Шеол» при наложении библейского мифа на реальный пейзаж. Она призвана показать, что священная история продолжается: «На нем же стоял и Ковчег Завета, урна с манной и лежал вечно цветущий жезл Аарона» [5, 243]. Под *жезлом Аарона*, вероятно, понимается ветвь миндального дерева, служащая прямой отсылкой к библейскому рассказу из Книги Чисел: «На другой день вошел Моисей в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов от дома Левиина, расцвел, пустил почки, дал цвет и принес миндали (Чис. 17:8)» [18].

Из выделенных ЛСГ наиболее объемными выступают «Лиственные неплодовые деревья» (более 9 % от общего объема авторской картотеки примеров), «Кустарники и полукустарники» (около 11 %), и «Лиственные плодовые деревья» (более 14 %).

Большинство используемых Буниным в путевых очерках фитонимов являются узуальными, общеизвестными, однако встречаются у писателя, пусть и спорадически, индивидуально-авторские названия растений. Например, в очерке «Страна содомская» упоминается фитоним *деревце небд*, растущее в садах оазиса Рихи: «Там, в садах, еще растет деревцо небд, приносящее акриды...» [5, 256]. При обращении к основному подкорпусу Национального корпуса русского языка данная лексема не фиксируется [10]. Судя по контексту, речь идет о рожковом (хлебном) дереве (лат. *Ceratonia siliqua*), вечнозеленом дереве сем. бобовых, одичалом или культивируемом по всему Средиземноморью, плоды которого похожи по форме на груши и растут прямо на стволе [11, 1033]. Эти плоды фигурируют в бунинском очерке как *акриды* и входят в соответствии с нашей таксономией фитонимов в ЛСГ «Партитивные фитонимы». Хотя в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой этимология слова *акриды* возводится к греч. *ακρίς*, *ακρίδος* в значении 'саранча', указывается и первоисточник – евангельское сказание об Иоанне Крестителе, который питался в пустыне акридами и диким медом [19, т. 1, 29]. Однако в «Ботаническом словаре» Н.И. Анненкова 1878 г. находим такой комментарий: «Предание говорить, что Св. Иоанн Предтеча питался въ пустынь плодами этого растенія, откуда и назв. Хлѣбъ Св. Иоанна, Дивій медъ» [4, 92]. Под именованием «Хлеб Святого Иоанна» указанное растение, согласно данным ITIS программы (Интегрированной таксономической информационной системе, которая создает всеобъемлющую таксономию видов по всему миру и объединяет информацию о биоразнообразии во всех сферах человеческой деятельности), фигурирует и в английском языке [25]. Иными словами, Бунин фактологически точен в своем флористическом описании рожкового дерева. А вот этимология самого фитонима *небд* не ясна. В словарях, будучи окказиональным образованием, оно не фиксируется.

В цикле путевых очерков «Тень птицы» фитонимы – это не просто элемент фона, а средство художественной выразительности, выполняющее разные функции. Единицы ЛСГ «Лиственные плодовые деревья», «Лиственные неплодовые деревья», «Кустарники и полукустарники» формируют чуждое природное пространство, придавая ему неповторимый колорит и атмосферу. Так, фитонимы типа *цаккум*, *тамариск*, *померанец* и под. отражают специфические для этноса понятия, главным образом в области материальной культуры, а через нее – и особенности мировосприятия, мироустройства и духовной культуры в целом. Подобные единицы выполняют своего рода этнографическую функцию. Такие фитонимы аккумулируют и транслируют в бунинском тексте этнокультурную информацию. Сюда относятся наименования растений, не характерных для средней полосы России: *сандалы* и *кипаметы* на Цейлоне; *померанцы* и *мирты* в Палестине; *лотосы* в Египте и т.д. Например: «Еще в сумерки зачался таинственно-звонящий, горячечный шепот насекомых, незримыми мириадами наполняющих душную чашу оазиса, и приторно-сладко запахла его эвкалипты и мимозы, загоревшиеся мириадами светящих мух» [5, 253]. Используя точные ботанические наименования локальных флор, писатель усиливает эффект достоверности описания «иной» действительности.

Восточный мир, благодаря фитонимической лексике, становится осязаемым для читателя-интерпретатора бунинских очерков, чувственно воспринимаемым. Причем, часто писатель передает не объективную реальность, а мгновенное, субъективное впечатление от нее через запах, который ассоциируется с растениями. Запахи растений создают эмоциональный фон повествования, выступая стимулами памяти и ассоциаций: «Вот поднялись справа и слева белые маяки – и потянуло теплом берега и знакомым ароматом каких-то турецких цветов, – прелестным сладковатым ароматом, похожим на аромат сухой трухи в дуплистом дереве» [5, 192]. Такие одорические образы служат для передачи «повышенного чувства жизни» [9, 406].

Наиболее значимой в цикле «Тень птицы», полагаем, является символическая функция фитонимов. Растения у писателя включаются в систему средств репрезентации ключевых философских и культурных оппозиций, среди которых можно указать

«жизнь/смерть», «вечность/тлен», «прошлое/настоящее», «свое/чужое». Например, мощным культурно-историческим и символическим потенциалом обладают фитонимы, условно называемые «библейскими»: *маслина (олива), смоковница (инжир), финиковая пальма, кипарис, терновник* и др.: «Как райское дерево, трепещет и переливается искрами сикомор во дворе» [5, 254]; «Несколько ветхозаветных олив раскидывались там и сям своими серебристо-пыльными пущами над плитами двора...» [5, 241]. Их референты выступали живыми свидетелями библейской истории. Такие фитонимы входят в ЛСГ «Плодовые лиственные деревья», «Кустарники и полукустарники». Эти лексемы становятся единицами, одновременно отсылающими к мифу и реальности, прошлому и настоящему. Фитоним *маслина*, а также фитоним *смоковница* аккумулируют и воплощают идею непрерывности духовной традиции, выступают символом стойкости. Поскольку референты этих единиц переживают тысячелетия, можно сказать, что именно посредством флорообразов *маслины* и *смоковницы* Бунин «овеществляет» время, делает его зримым и осязаемым [23, 67].

Выполняют фитонимы и функцию ритмизации прозаических текстов бунинского цикла. Во-первых, они в эллиптических предложениях встраиваются писателем в многочленные сочиненные ряды, как бы нанизываясь друг на друга без использования формальных показателей связи – сочинительных союзов, а только при помощи интонации: «В садах вокруг Яффы – пальмы, магнолии, олеандры, чащи померанцев, усеянных огненной россыпью плодов» [5, 228]. Во-вторых, используются лексические повторы фитонимов, создавая и ритм, и определенный гипнотический эффект, что соответствует общей медитативной интонации цикла [15, 53]: «Всюду мак, мак и мак: щедро усеял он эти пашни и нивы своими огненными лепестками» [5, 229].

Аналитическое описание фитонимической системы очеркового цикла «Тень птицы» подводит к следующему выводу: фитонимическая лексика у Бунина является не вспомогательным, а одним из основных структурообразующих элементов художественного пространства. Благодаря обширному и разнообразному фитонимическому инструментарию (12 ЛСГ, узусальные и окказиональные единицы, номинации реальных и мифологических растений), Бунин создает образ чувственно осязаемого и привлекательного в своей «чуждости» Востока. Причем рассматриваемые единицы не просто формируют пейзаж, аккумулируют этнокультурную информацию, отражая особенности местной флоры, материальной и духовной культуры. Они еще выполняют символическую функцию, выступая репрезентантами определенных философских и культурных оппозиций, а также участвуют в ритмической организации очерковой прозы.

1. Анисимов К.В., Пономарев Е.Р. Текстология и имагология. Как мелкая правка травелога «Храм Солнца» меняла концепцию Ближнего Востока: от описания к представлению // *Имагология и компаративистика*. 2023. № 20. С. 315–350.
2. Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М.С. Гиляров. М., 1986.
3. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
4. Ботанический словарь / сост. Н.И. Анненков. СПб., 1878.
5. Бунин И.А. Собрание сочинений: Произведения 1903–1910; *Тень птицы: Книга очерков / примеч. О. Михайлова*. М., 2008.
6. Двинятина Т.М., Морозов С.Н. И.А. Бунин на пути в Палестину (1889–1903 гг.) // *Литературный факт*. 2022. № 2 (24). С. 54–63.
7. Исаев Ю.Н. Чувашский фитоним *ЌАТРА* «ЛЕС, ЧАЩА» и марийский фитоним *ЧОДЫРА* «ЛЕС»: этимология // *Вестник Чувашского университета*. 2011. № 2. С. 315–319.
8. Ло С. Структура и семантика лексического поля «Море» в цикле И.А. Бунина «Тень птицы» // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 65–68.
9. Мейер А.А. «Память запахов» в рассказах И.А. Бунина // *Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VIII (XXII) Международной научно-практической конференции молодых ученых (15–17 апреля 2021 г.)*. Томск, 2021. С. 405–408.

10. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.10.2025).
11. Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. М., 2000.
12. Павлюченкова Т.А. Фитонимическая лексика в языке поэзии И.А. Бунина. 2014. № 2 (26). С. 35–48.
13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
14. Пономарев Е.Р. «Храм Солнца» или «Тень Птицы»? Поэтика «путевых поэм» И.А. Бунина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 298–320.
15. Пэй Л. Корневой повтор и плеоназм как стилистические приемы в художественных текстах И.А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именуемые: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос) / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2002.
17. Селеменова О.А. Синтаксис пейзажа в цикле И.А. Бунина «Тень птицы» // Русская речь. 2022. № 6. С. 94–105.
18. Словарь библейских образов: Справочник / под ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Т. Лонгмана; пер. Б.А. Скороходова, О.А. Рыбакова. СПб., 2005. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskih-obrazov/234> (дата обращения: 01.11.2025).
19. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1985–1988.
20. Сотникова Е.А. // И.А. Бунин и русский мир: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию присуждения Нобелевской премии писателю. Елец, 2009. С. 322–326.
21. Тресорукова И.В. Пищевой код греческой фразеологии: фитоним «огурец» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 53. С. 98–110.
22. Хашимов Р.И. Восток: символы и образы в творчестве И.А. Бунина // И.А. Бунин и XXI век: материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя, 2011. С. 335–342.
23. Штерн М.С. В поисках утраченной гармонии: проза И.А. Бунина, 1930–1940-х годов: монография. Омск, 1997.
24. Щавлинский М. Исчезновение национального и колониального дискурсов. Текстология очерка «Тень птицы» И.А. Бунина // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 3–4. С. 355–375.
25. ITIS. Integrated Taxonomic Information System – Repor. URL: https://www.itis.gov/servlet/SingleRpt/SingleRpt?search_topic=TSN&search_value=26531#null (дата обращения: 20.10.2025).

Информация об авторе

Кристина Алексеевна Серёгина,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Аспирант кафедры русской филологии
и журналистики.
Научные интересы: литературная ономастика,
лингвопоэтика.
ORCID ID: 0009-0008-4193-0235
SPIN-код: 2907-2462, AuthorID: 1320035
E-mail: kristina.sokovyh@mail.ru

Поступила в редакцию 08.11.2025;
одобрена после рецензирования 24.11.2025;
принята к публикации 24.11.2025;
опубликована 18.12.2025.

Information about the author

Kristina A. Seregina,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Lipetsk region, Yelets,
Kommunarov str., 28.
Postgraduate student of the Department
of Russian Philology and Journalism.
Research interests: literary onomastics,
linguopoetics.
ORCID ID: 0009-0008-4193-0235
SPIN-code: 2907-2462, AuthorID: 1320035
E-mail: kristina.sokovyh@mail.ru

The article was submitted 08.11.2025;
approved after reviewing 24.11.2025;
accepted for publication 24.11.2025;
published 18.12.2025

Ссылка для цитирования: Серёгина, К.А. Фитонимическая лексика и ее функции в цикле путевых очерков И.А. Бунина «Тень птицы» // *Philologos*. 2025. № 4 (67). С. 13–20. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-13-20.

For citation: Seregina, K.A. Phytonymic lexicon and its functions in the cycle of travel essays by I.A. Bunin "The bird's shadow" // *Philologos*. 2025. No. 4 (67). Pp. 13–20. DOI: 10.24888/2079-2638-2025-67-4-13-20.

Права: © К.А. Серёгина (2025). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY-NC 4.0).